

Автор считает своим долгом напомнить, что описанные в книге события в определенной степени выдуманы и могут не совпадать с событиями реальной истории. Действующие лица романа и названия некоторых географических объектов также вымышлены, и автор не несет никакой ответственности за любые случайные совпадения.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа всем постоянным участникам форума «В вихре времен» (forum.amah.gov.ru). Отдельная благодарность Вячеславу Салину, Алексею Владимировичу «Иванову», Алексею Тычкину, Сергею Павлову, Игорю Черепнёву, Владиславу Стрелкову, Александру Оськину, Евгению Попову, Борису Батыршину за конструктивную критику и помощь в работе над книгой. Огромное спасибо, друзья!

ПРОЛОГ

С е к р е т н о. Циркулярно, командирам
ОКР «СМЕРШ» Центрального,
Воронежского, Степного фронтов

«В связи с подготовкой немецким командованием наступательной операции, которая ориентировочно должна начаться в десятых числах июля, в районе значительно возросла активность разведывательно-диверсионных групп противника, преимущественно из числа парашютно-десантных подразделений. Целью является вскрытие мест дислокации советских войск, штабов, складов боепитания и ГСМ, подготовка и проведение диверсий на путях сообщения, железнодорожных станциях и коммуникациях связи. Оперативным частям и отрядам особого назначения «СМЕРШ» принять активное участие в розыске и ликвидации вражеских ДРГ. Особое внимание обратить на захват командиров групп и радистов, являющихся ценными источниками информации. Действовать скрытно, не привлекая излишнего внимания, в том числе со стороны советских войск. Для выполнения задачи разрешено использование любых методов. Командованию размещенных в зоне проведения операции линейных частей Красной армии, военной развед-

ки и контрразведки оказывать любое возможное содействие. К выполнению задания приступить немедленно».

*Начальник ГУКР «СМЕРШ»
комиссар ГБ 2-го ранга Абакумов В. С.
Начало июля 1943 года*

— Чего-то долго они, а, командир? Уж должны были появиться. Может, мы с лежкой прогадали, не там ждем? — Не потревожив ни одной ветки, мамлей Максимов одним коротким движением размял затекшие мышцы, в следующее мгновение снова превратившись в ничем не примечательную кочку на поросшем колючим кустарником краю оврага. Говорил он тихо, практически одними губами — нормальный человек и в метре ни слова не разберет, решит, ветер в листве шебуршит, — однако прекрасно знал, что лейтенант Гулькин его слышит. Разумеется, так и оказалось:

— Лежи себе, не рыпайся, мало ли чего у фрицев по дороге случилось. Задержались, бывает. Другой дороги тут все одно нет, или овраг с нашей стороны обходить, или понизу идти. А понизу да с грузом они идти точно не захотят, сам ведь видел — грязюка чуть не по колено, спасибо ручейку и недавним дождям. Ну а полезут сдуру — все равно услышим, когда на наши хитрушки напорются. Хоть это и нежелательно, тогда по-тихому уже не сработаем.

Слева раздался негромкий, на самом пределе слышимости, тройной металлический стук обушком ножа по пистолетному затвору. Костя Паршин, занимавший позицию в недалеких зарослях на левом

фланге засады, передавал сигнал: «Внимание, вижу противника». Вот и гости долгожданные пожаловали, напрасно Макс так переживал. Вышли в точности туда, где их и ждали. Вот и хорошо, не придется за ними по лесу бегать. Хотя что тут леса — не Белоруссия, чай, где он два года тому впервые с фашистскими гадами столкнулся, и даже не подмосковные леса, где с парашютистами познакомиться довелось...

Аккуратно поведя биноклем, старший группы без труда обнаружил показавшихся на противоположном краю не слишком глубокого, но достаточно широкого оврага «гостей». Один, два, три... пять. В точности как им и сообщили, когда в середине ночи по тревоге подняли: пятеро парашютистов выбросились перед рассветом примерно в десяти км отсюда. Предположить, куда пойдут и где их можно перехватить, было уже делом техники. Благо местность знакомая, неоднократно хоженная-перехоженная, а кое-где и на брюхе исползанная. Да и карты имеются. А уж работать с ними их туго учили, ночью разбуди — ни одного условного обозначения не перепутают.

Гулькин подкрутил колесико фокусировки, приглядываясь.

От прыжковых комбинезонов и ребристых, словно танкистские шлемы, наколенников фрицы уже избавились, оставшись в серо-зеленой униформе с объемными карманами и высоких прыжковых ботинках на толстых резиновых подошвах. Подсумки с запасными магазинами перевесили с голени на ременно-плечевые системы, облегчив ноги

для долгого перехода. Головы прикрывают затянутые матерчатыми чехлами десантные шлемы без краин — чтобы не сорвало воздушным потоком во время прыжка и не запутались стропы раскрывающегося купола. Под охватывающие каски полоски ткани вставлены свежесломанные ветки с еще не успевшими засохнуть листочками.

Вооружены все автоматами, знакомыми до последнего винтика «МП-40», которые и осназовцы с удовольствием использовали при необходимости; у двоих оружие висит поперек груди, пистолетной рукояткой вправо, у остальных — вдоль туловища стволом вниз, под правой рукой. Все правши? Однозначно. Да и кобуры специального «десантного» образца тоже подвешены под рабочую руку. Что ж, прекрасно, значит, правильную позицию заняли. Из прочего оружия — по крайней мере, того, что на виду, — засунутые рукоятками за поясной ремень гранаты и ножи. За плечами четверых — объемные ранцы, нужно полагать, с взрывчаткой, дополнительными боекомплектами и пайками, у пятого, самого крупного из всех — угловатый короб портативной рации. Так, с этим ясно. Кто командир? Экипировка у паршей¹ практически одинаковая, так сразу старшего и не определишь. Скорее всего, третий, он и постарше будет, и ведет себя соответствующе. Вон как только что идущего первым диверсанта за что-то отчитал — аж морда на миг праведным гневом пе-

¹ П а р ш (жаргон частей ОСНАЗа времен Великой Отечественной войны) — парашютист (возможно, парашютист-шпион). Встречается, к примеру, в романе В. О. Богомолова «Момент истины».

рекосилась. Да, точно он, нечего и гадать. С такого расстояния знаки различия, конечно, не разглядишь, но сомнений практически не осталось. Все, начинаем...

— Макс, передай ребятам, работаем по обычной схеме. Командир идет третьим, радист — замыкающим. Этих, кровь из носу, брать живыми. Остальных — в расход или как получится. Начинаю я, ориентир — как только они вон до той березки дотопают. Первые двое — мои. И чтобы без лишних телодвижений! Не расслабляться, фашист еще свеженький и полный сил, только второй переход, даже не вспотели пока всерьез. На все про все — две минуты. Максимум. Желательно в одну уложиться. И глядите, чтобы гости в овраг не ломанулись, догоняй их потом по грязи. Замерли, ребяташки, ждем сигнала.

Немцы шли грамотно, так запросто и не подберешься — заметят. И дистанцию правильно выдерживают, и за флангами с прочим тылом приглядывают со всем тщанием. Поэтому старлей и выбрал для засады именно это место. Хочешь не хочешь, а пробираясь сквозь густые колючие заросли, немцы в любом случае ослабят внимание. А после выйдут на небольшую полянку, с трех сторон ограниченную все тем же кустарником. Где они их и примут, атаковав справа, — не зря ж он именно тут бойцов разместил. Преимущество, конечно, небольшое, крохотное даже, но в подобных играх та доля секунды, которой паршу не хватит, чтобы ствол на нужный угол повернуть, порой целой жизни стоит.

Зашевелились ветви, и идущий первым диверс осторожно выглянул на открытое место. Поднял

сжатый кулак, подавая товарищам знак остановиться. Огляделся, настороженно зыряка глазами из-под среза надвинутого по самые брови шлема. Гулькин ждал, привычно слившись с землей: дело обычное, если нужно, и часами может так лежать. Бывали моменты, знаете ли.

Наконец гитлеровец решил, что все в порядке, и разрешающе отмахнул ладонью, первым выходя на поляну. Поправил висящий под рукой автомат, скорее инстинктивно, нежели по надобности. Коротко передернул плечами, возвращая на место съехавшие лямки зацепившегося за колючие ветки ранца. До молодой березки, лениво шелестящей тронутой летним зноем листвой, ему оставалось метров пять, не больше. Приготовились.

Палец лейтенанта беззвучно отвел назад ребристое колесико курка «ТТ», локоть левой руки коснулся рукояти засунутого за ремень трофейного «вальтера». Нормально, при первом рывке не выскользнет, а дальше уж и неважно станет, поскольку счет пойдет на доли секунды. Да и не придется им много стрелять, если все нормально срастется. И одного магазина хватит. Автоматов ни у кого из осназовцев не было, только пистолеты или — по желанию — револьверы, порой оснащенные глушителями «брамитами»¹. Особенность профессии, так сказать: офицер, постоянно таскающий с собой в тылу «ППШ» или тем паче трофейный «машине-

¹ «Б р а м и т» («Братья Митины») — советский прибор бесшумной и беспламенной стрельбы («глушитель»), названный по фамилии разработчиков, братьев Митиных. Производился двух типов, для револьвера системы Нагана и трехлинейки.

пистоль», порой вызывает ненужное внимание со стороны окружающих, пусть даже они трижды бойцы Красной армии. А ненужное внимание — самое последнее, о чем мечтает сотрудник особой группы СМЕРШа, знаете ли! Потому пистолеты предпочтительнее: один в кобуре, как и положено по форме, другой (или другие)... Да где угодно, собственно, лишь бы в глаза не бросался.

Напрягшись, словно взведенная боевая пружина, Гулькин в крайний раз проиграл в уме партитуру будущей схватки. Вроде все в порядке, должно нормально срастись. Возьмут фрицев как миленьких, куда денутся. Лишь бы новенький, младший лейтенант Васютин, не напортачил, все-таки впервые на задание идет. На тренировках вроде бы хорошо себя показал, а как на деле будет? Вот сейчас и поглядим. Плохо только, что Антону достался именно радист — уж больно здоровенный, сволочь, настоящий бугай. Но изменить уже ничего нельзя, согласно плану замыкающий именно на нем.

Парашютист сделал шаг, другой. Следом выбрался из зарослей, раздраженно потирая оцарапанную веткой щеку, второй. У этого «МП-40» висел на груди, на присобранном, чтобы оружие не болталось на уровне пуза, ремне. Сейчас появится командир группы — и можно брать. Первый как раз до березки дотопаёт. Да и остальные на открытое место выползут. Дотопал, вражина. Пора!

Оттолкнувшись опорной ногой, лейтенант Саша Гулькин, позывной «Птица», взмыл с земли, раскидывая маскирующие лежку ветви. Следом рванулись еще три такие же размытые и очень быстрые тени,

облаченные в «лохматые» самодельные масккостюмы, надетые поверх обычной двухцветной «амебы». Заметив боковым зрением движение, парашютист начал было разворачиваться в сторону столь неожиданной опасности, но было уже слишком поздно что-либо предпринимать. Пистолет в руке Александра коротко дернулся, выплевывая стреляную гильзу, и гитлеровец, взмахнув руками, начал заваливаться назад, отброшенный почти полутонным ударом. На пару сантиметров ниже среза каски, аккуратно на уровне переносицы, темнело совсем небольшое, почти незаметное на первый взгляд отверстие.

Продолжая движение, лейтенант кувыркнулся вперед, плечом подсекая колени второго номера. Фриц охнул от неожиданности, отмахнул автоматом — и когда только успел сорвать с плеча? Неплохая реакция — и полетел мордой вниз. В точно отмеренный момент напоровшись грудью на выставленный Гулькиным нож разведчика, заточенный до бритвенной остроты. Диверсант сдавленно булькнул, выгибая дугой спину, — и обмяк. Сашка отпихнул труп — ну да, уже именно труп, поскольку попал, куда и планировал, лезвие вошло точно между четвертым и пятым ребром слева — и рывком бросил собственное тело в положение для стрельбы с колена. Впрочем, помогать пацанам не понадобилось — все тертые, не первый перехват, ага. Ну, кроме новичка, разумеется. Максимов, в прыжке подбив командира группы под колени, крутанул в горизонталь, заплетя ноги, и сейчас уже восседал на спине, грубо заламывая тому руку болевым прие-

мом. «Хоть бы кисть не сломал, — мельком подумал Гулькин. — Нянчись потом с увечным».

Паршин, двумя выстрелами завалив четвертого, бросился на помощь товарищу. Судя по тому, как падал подстреленный фриц — вглухую, одна пуля в голову, другая в грудь. Да и не промахиваются такие, как они, с нескольких-то метров. Даже в движении, даже из самого немыслимого и неудобного положения. Идущий в арьергарде радист, в отличие от камрадов, имел в распоряжении чуть больше времени — секунды полторы, если так прикинуть. Прянув в сторону, он одним движением сбросил на землю рацию, сорвал с плеча «машинепистоль» и успел дать в сторону Васютина — четвертого бойца особой группы — короткую очередь. Одна из пуль дернула рукав комбеза, другая чиркнула по шее, но это уже ничего не могло изменить: сбив пытавшегося нырнуть обратно в заросли противника с ног, младлей навалился сверху, обеими руками схватив автомат за ствол и пистолетную рукоять и прижимая оружие к груди фашиста. Из пробитой шеи осназовца хлестала кровь, заливая камуфляж. Но немец ожидал чего-то подобного: ударом выставленного перед собой колена отбросив раненого бойца, он попытался подняться на ноги. Вражеский автомат Васютин так и не выпустил из рук, ухитрившись сорвать с плеча диверсанта ремень.

Паршин, глухо выругавшись, поднял пистолет, собираясь стрелять, причем явно не по конечностям. Но лейтенант, заорав: «Не сметь!», успел первым, прострелив фрицу голень. Нога подломилась, и тот снова рухнул на землю, подвывая от боли.

На этом короткий, продлившийся не дольше минуты, бой и закончился.

— Осмотреться, — прохрипел Гулькин, пряча оружие в кобуру и бросаясь к раненому. — Макс, пленных пакуй. И подстреленного фрица перевяжи, уходим быстро, пять минут — и нас тут не было.

Подскочив к лежащему на спине Васютину, с размаху плюхнулся на колени, дергая из кармана перевязочный пакет. Что дело плохо, он и без того видел: простреленный навывлет бицепс — фигня, достаточно обычной тугой повязки. Но вторая пуля, судя по всему, перебила сонную артерию, вон как беднягу кровью заливают. Зажав ладонью окровавленную шею товарища, рванул зубами обертку индпакета:

— Костя, ко мне. Помоги.

Вдвоем с Паршиным кое-как перевязали товарища, вроде бы остановив кровь. На курсах оказания первой помощи их учили, что в подобной ситуации нужно наложить своего рода жгут, но так, чтобы не передавить артерию с противоположной стороны. Поэтому, закинув руку со здоровой стороны за голову, наложили давящую повязку через подмышку. Вроде получилось, но в благополучном исходе лейтенант уверен не был: Васютин уже потерял сознание, да и кожа его бледнела буквально с каждой секундой. Потеря крови и болевой шок, мать их. А до своих, кстати, почти три кэмэ по пересеченке... Дотащат ли? Еще и радист ранен, а так мог бы помочь. Ну твою ж мать! Так все здорово начиналось, и немцев точно вычислили, и взяли практически идеально. Что ж Васютин так лопухнулся-то? С другой сто-

роны, не особо Антон и виноват: кто ж знал, что радист именно замыкающим пойдет, а не в середине? Гулькин, когда бойцов размещал, специально «молодого» крайним поставил. Думал, завалит своего — и все. А парню пришлось на захват идти, импровизируя на ходу.

— Костя, помоги Максу. Ранцы прошмонайте, если что ценное — забираем с собой. Остальное бросить. Трупы осмотреть — и в овраг, вещи, стволы — туда же, замаскировать ветками, по возможности вернемся позже, заберем оружие и мелочовку. Иди, я пока пару слег срублю, носилки из фрицевских плащ-палаток сделаем.

— Думаешь, донесем? — Паршин был мрачен, словно туча.

— Если сильно повезет, — буркнул Александр, с остервенением оттирая окровавленные ладони о траву. — Очень сильно. — И сдавленно рявкнул, теряя терпение: — Бегом давай, время теряем!

Следующие несколько минут пролетели незаметно. Пленных надежно связали — так, чтобы могли самостоятельно передвигаться, но не более того. Раненому радисту наложили повязку — повезло, пуля прошла между костями голени, не раскрошив ни одной из них, так что идти он мог сам, опираясь на плечо камрада. Больно, конечно, ну да что делать? Жить хочет — помучается немного. Поскольку альтернативы нет — на себе его никто тащить не станет.

Пока товарищи инспектировали содержимое ранцев, Гулькин соорудил из стволов молодых деревьев и пары камуфлированных брезентовых плащ-палаток импровизированные носилки, на которые

уложили так и не пришедшего в сознание Васютина. Рацию навьючили на командира диверсионной группы, тем самым еще больше ограничив его свободу движений: попробуй-ка подергайся с грузом на спине и повисшим на плече едва ковыляющим раненым. Тем более что отлично знающий немецкий Александр сразу предупредил: «Будешь делать глупости — прострелю колени и локти и оставлю в лесу. Живым, возле муравейника. А потом вернусь обратно, посмотреть, что от тебя осталось. Обо всем, что нам нужно, мы и от твоего товарища сможем узнать. Понял, нет?»

Несколько секунд гитлеровец буравил его лицо прищуренными серо-стальными глазами, всем своим видом выражая презрение — еще бы, какой-то унтерменш посмел ТАК разговаривать с истинным арийцем, офицером элитного подразделения.

— Похоже, нет... — с ленцой в голосе протянул лейтенант. И нанес всего один короткий удар сложенной лодочкой ладонью в нужную точку. Немец охнул, ломаясь в поясе, и упал на колени, тщетно пытаясь протолкнуть в легкие хоть немного воздуха. Выждав несколько мгновений, Гулькин захватил его подбородок бурыми от крови пальцами, больно сжав нижнюю челюсть в месте выхода нервов, и запрокинул голову, взглянув в побагровевшее лицо:

— Теперь понял? В глаза смотреть, падаль!

На сей раз поединок взглядов не продлился и секунды — фашист первым отвел глаза и коротко кивнул, потихоньку восстанавливая дыхание. В том, что этот с трудом сдерживавший ярость русский посту-

пит именно так, как обещал, он теперь абсолютно не сомневался.

— Готовы? — Гулькин оглядел товарищей. — Макс, пленные на тебе, гляди в оба. Мы с Паршиным первыми Антона понесем. Меняться станем каждые полчаса. Вопросы? Нет? Тогда вперед. Костя, давай, взяли.

— Взяли, командир. — Паршин первым наклонился к носилкам.

И тут же выпрямился, растерянно заморгав:

— Командир, тут это. Антоха, похоже, того, помер.

Опустившись на колени, Александр коснулся ладонью липкой от начинающей подсыхать крови шеи товарища, не ощутив под пальцами даже самого слабого биения. На всякий случай рассек ножом куртку, прикинув ухом к груди. Тишина. Все, отмучился, бедняга.

ГЛАВА 1

Младший лейтенант Александр Гулькин.

Июнь 1941 года

Младлей погранвойск Сашка Гулькин вполне обоснованно считал себя счастливым. Поскольку мог погибнуть еще в детстве, когда вместе с друзьями отправился искать приключений на железнодорожный перегон, где поезда притормаживали перед крутым поворотом. И при должной сноровке можно было успеть забраться на тормозную площадку вагона или платформу и прокатиться с ветерком пару километров. А потом с победным воплем сигануть на скорости с высоченной песчаной насыпи — если правильно сгруппироваться, даже ноги не подвернешь.

Как уж там все произошло, он помнил плохо, поскольку прилично ударился головой и почти месяц пролежал в больнице, но суть была в том, что он сорвался. То ли нога соскользнула с ржавой ступеньки, то ли рука подвела, не успев ухватиться за поручень, но он полетел под колеса, прямиком в щель между соседними вагонами. Но в тот день ему немислимо повезло: зацепившись плечом за лязгающий неумолимым прессом буфер, упал аккурат между рельсами. И поезд прогрохотал поверху, лишь запорошив распластанное на шпалах тело угольной пылью и унеся неведомо куда почти новую кепку.

Впрочем, сам он этого не видел, отключившись от удара, — пацаны позже рассказали, уже после того, как к нему в палату посетителей пускать стали.

После возвращения из больницы, получив полную порцию отцовских ременно-задничных наставлений и молчаливого материнского осуждения, Сашка твердо решил завязать с подобными глупостями. Даже учебу подтянул, уделив особое внимание иностранному языку, по которому к концу года едва-едва на троечку выходил. Что особенно растреивало мать, как раз-таки учительницу того самого иностранного, суть — немецкого. Не в его школе, разумеется, только этого не хватало, в соседней. Язык пошел неожиданно неплохо — то ли открылись некие скрытые резервы, то ли башкой о шпалы очень выгодно приложился. В тот момент он и представить не мог, насколько это пригодится в недалеком будущем.

Заодно и спортом всерьез занялся, записавшись сразу в несколько секций. Даже с парашютной вышки пару раз сиганул. Как ни странно, лучше всего ему давалась пулевая стрельба. Так что допризывник Гулькин вскоре стал завсегдатаем стрелковой секции ОСОАВИАХИМа, а там и нормы сначала БГТО, а затем, когда возраст позволил, и ГТО сдал. И долгожданный значок «Ворошиловский стрелок», набрав положенное количество очков, получил. После чего окончательно решил связать жизнь с армией. Отец, простой фрезеровщик и ветеран Гражданской, комиссованный из армии по ранению и до сих пор хромящий, был доволен, мать — наоборот. Поскольку мечтала для сына о совсем ином

будущем. Но мужская половина семьи осталась непреклонной, а мнения двух младших сестренки никто не спрашивал. Вот только к железной дороге он с тех пор относился, ну, скажем так, с некоторым недоверием.

Второй раз он должен был погибнуть на рассвете 22 июня сорок первого года. Когда без четверти четыре утра на заставы 86-го Августовского погранотряда, охранявшего юго-восточный фас Сувалковского выступа, внезапно посыпались немецкие снаряды и мины. Но Александру снова повезло. Его застава была поднята по тревоге еще в полночь из-за сообщений о переходе госграницы немецкими диверсантами, нарушившими проводную связь с комендатурой. Преследование результата не дало, немцы оторвались и ушли обратно, однако в казармы личный состав до самого утра так и не вернулся. Уже гораздо позже Гулькин узнал, что столкнулись они с диверсантами из «Бранденбурга-800», активно работавшими на советской территории в течение нескольких предвоенных дней.

Верно истолковав ситуацию, командир заставы отдал приказ занять окопы и огневые точки линии обороны, возведенной за последние недели. Это никого не удивило: еще с позднего вечера 20 июня погранвойска НКВД на западном направлении перешли на особый вариант несения службы¹. В дозор

¹ Подобный приказ начальника пограничных войск НКВД БССР генерал-лейтенанта И. А. Богданова на самом деле был отдан еще 20 июня 1941 года. Во многом именно благодаря этому погранвойскам и удалось дать гитлеровцам столь мощный отпор, существенно задержав продвижение врага в первые дни

выходили только усиленными нарядами с увеличенным носимым боезапасом; обязательным стало ношение защитных касок. Две последние ночи перед началом войны пограничники порой даже спали в форме, не сдавая личное оружие в оружейные комнаты, что еще несколько недель назад казалось просто немыслимым. В дзотах и огневых точках открытого типа были загодя установлены станковые пулеметы, боекомплект к которым хранился там же, на позициях. Выдали всем и гранаты, и сухпай на пару дней. Командно-начальствующий состав круглосуточно оставался в расположении, поскольку все увольнительные были отменены, и даже те из командиров, чьи семьи проживали в близлежащих городках, Августове или Граеве, не имели права покидать территории застав.

Ощущение приближения чего-то страшного и неминуемого давило на психику, но люди держались. Не было даже слабого намека на панику — в глубине души большинство бойцов и командиров все же надеялись, что в конечном итоге все закончится благополучно. Ну а рискнут напасть — получат мощный отпор да кровью умоются. Тем более провокации с «сопредельной территории» продолжались практически постоянно, а война так и не начиналась. То очередного перебежчика возьмут, то пограничный секрет с той стороны обстреляют,

войны. Согласно первоначальным планам ОКВ, на уничтожение гарнизонов погранзастав отводились считанные минуты, максимум — часы. Пограничники продержались намного дольше. Наиболее известный пример — подвиг гарнизона Брестской крепости, в частности 9-й заставы лейтенанта Кижеватова.

то немецкий самолет-разведчик границу нарушит. Перебежчики все как один утверждали, что немцы вот-вот нападут. Правда, даты называли разные, начиная от конца мая и заканчивая двадцатыми числами июня. Всех их сразу отправляли в город, в Главное управление НКВД или еще куда повыше.

На стрельбу или оскорбительные выкрики фашистов погранцы не отвечали, четко выполняя недавний приказ «Не поддаваться на провокации». Вражеские же самолеты продолжали барражировать над приграничной полосой с завидным постоянством, словно даже не слышали о таком понятии, как государственная граница. Нет, оно, конечно, понятно, что приказ один для всех, но, глядя на ползущий над головой силуэт очередного высотного разведчика, младлей Гулькин лишь молча скрипел зубами. Да и не только он. Где же наши истребители, где родные сталинские соколы-то? Ладно, сбивать нельзя — так хоть припугнули бы, что ли! Ну там, пару пулеметных очередей по курсу дали, атаку в хвост сымитировали, мало ли? Но истребители не появлялись, лишь однажды, дня три тому, над заставой пролетела, звеня моторами, тройка лобастых «ишачков», покружила вокруг немца, тут же начавшего набирать недоступную для «И-16» высоту, да и убралась восвояси.

Разумеется, были среди пограничников и те, кто в благоприятный исход не верил, будучи убежденными в скором — буквально со дня на день — начале войны. Впрочем, свое мнение они держали исключительно при себе, дабы не оказаться обвиненными в пораженческих и панических настроениях. Хоть

младлей Гулькин к их числу в общем-то не относился, на душе Александра тоже было тяжело.

А потом начался ад.

Сначала был артоналет, с поистине ювелирной точностью перемешавший с землей казармы, лазарет и оперчасть, оружейную комнату, постройки хоздвора вместе с автогаражом и конюшнями. В этот момент Александр с какой-то особенной остротой осознал, для чего над головой несколько недель летали немецкие разведчики и чем занимались неоднократно фиксируемые на сопредельной стороне наблюдатели с мощными биноклями и стереотрубами. Немцы стреляли не вслепую, не наобум, все — АБСОЛЮТНО ВСЕ! — цели были загодя разведаны, привязаны к местности и нанесены на огневые карты гаубичных и минометных батарей.

Глядя на поднявшееся за спиной зловещее зарево, пограничники лишь молча сжимали кулаки и скрипели зубами: если б не приказ командира заставы, большинство из них сейчас оказались бы под пылающими руинами. И все же уже в первые минуты войны погибли многие — прежде всего вольнонаемный персонал, освобожденные от несения службы бойцы, медики и пациенты санчасти, шофера, конюхи и кинологи — все те, кто остался в расположении. Несли потери и занявшие окопы и огневые точки бойцы: глупо было думать, что гитлеровцы не догадываются о расположении позиций рубежа обороны. Но все же основной удар пришелся именно по территории погранзаставы — о том, что большая часть личного состава выведена оттуда еще несколько часов назад, фашисты просто не знали.

Обстрел длился около часа, после чего гитлеровцы сразу перешли в наступление. Будучи уверенными, что окопы и огневые точки пусты. Пришлось их сильно разочаровать. Подпустив фашистов на полторы сотни метров, пограничники встретили врага ружейно-пулеметным огнем. Поскольку еще в начале лета заставу — как и все остальные в округе — успели перевооружить самозарядными «СВТ», плотность залпа вышла впечатляющей: оставив в предполье несколько десятков тел в фельдграу, гитлеровцы откатились на исходную. Перегруппировавшись, они подтянули пулеметы и попробовали еще раз и еще. Спустя час, убедившись, что с ходу взять непокорную погранзаставу не удастся, фрицы вызвали артподдержку. Погранцы отошли на запасную позицию, где переждали налет, и снова заняли оплывшие от близких попаданий, местами практически засыпанные, воняющие сгоревшей взрывчаткой окопы.

Сколько именно атак они отбили за этот кажущийся бесконечным день, Сашка точно не знал — сбился со счета после пятой или шестой. Еще и контузило его близким разрывом немецкой мины — бруствер принял на себя осколки, но ударной волной приложило неслабо, даже сознание на несколько секунд потерял. Очнувшись, вытянул за ремень припорошенную землей винтовку, кое-как отчистил от пыли затвор и снова открыл огонь, лоя в прицелдвигающихся короткими перебежками фрицев. Впрочем, тогда он их фрицами еще не называл — подобное прозвище услышал гораздо позже и очень далеко отсюда. Кстати, да, именно что

винтовку: не с табельным же «ТТ» ему воевать? Весь личный состав был вооружен автоматическим оружием, самозарядками или пистолетами-пулеметами Дегтярева; «трехлинейки» имелись лишь у некоторых бойцов.

На зубах скрипел песок, болели обветренные, почерневшие губы, глаза слезились от пыли и едкого дыма, в голове звенело. Периодически менял позиции, оказывал помощь раненым, ранил пальцы, вскрывал цинки с патронами, насыпая боеприпасы в каски, карманы или просто подставленные ладони товарищей. Когда «СВТ» окончательно заклинило, подобрал винтовку убитого товарища и снова стрелял. Если гитлеровцы подбирались слишком близко, вместе со всеми швырял гранаты, которых с каждым разом оставалось все меньше и меньше. Им еще повезло, что на этом участке наступление вела исключительно пехота: окажись у немцев танки, все закончилось бы куда быстрее.

Затем, после очередного обстрела, на сей раз минометного, немцы все же взяли перепаханную взрывами первую линию траншей. Немногие уцелевшие пограничники откатились ко второй. Именно в этот момент, помогая тащить раненого, Гулькин впервые взглянул на циферблат чудом уцелевших наручных часов, краем сознания отметив, что до того как-то даже не подумал об этом. Стрелки показывали почти три часа дня. Оказалось, они держались уже почти десять часов. ДЕСЯТЬ, мать их, часов! ДЕСЯТЬ! Одни, без поддержки, против значительно превосходящих сил!

Младший лейтенант не знал, был ли приказ отходить, — рацию разбило прямым попаданием немецкой мины еще утром; вместе с ней погиб и радист, а посыльных к ним то ли не посылали, то ли они просто не добрались живыми. Да никто и не собирался отступить — ждали помощи, ни на секунду не позволяя себе усомниться в том, что ее может и не быть. Единственное, что по-настоящему волновало в тот момент защитников рубежа, — это нехватка боеприпасов. Патроны заканчивались слишком быстро, у большинства бойцов осталось не больше двух-трех магазинов к самозарядной винтовке. Ну и россыпью, что по подсумкам да карманам наберется.

У тех, кто был вооружен прожорливыми пистолетами-пулеметами, дело обстояло еще хуже — хорошо, если по диску на человека. Пулеметов уцелело всего три — станковый «Максим» с одной неполной лентой да пара «ДП-27» с тремя дисками на оба ствола. Гранат не осталось ни одной. К этому времени Гулькин, как старший по званию, уже принял командование, возглавив два десятка бойцов, практически все из которых были ранены или контужены. Заняв одну из наименее разрушенных снарядами и минами траншей, пограничники приготовились дать последний бой, самый короткий за этот долгий день. Смерти уже никто не боялся: страх перегорел в душе вместе с другими эмоциями. Все чувства остались там, в довоенном прошлом. Осталось только желание забрать с собой перед смертью еще хотя бы одну из ненавистных фигурок в серо-зеленом мундире и глубокой каске... лишь бы хва-

тило патронов, лишь бы не оглушило близким разрывом.

Но в атаку немцы больше не пошли. Может, получили соответствующий приказ; может, командиры решили, что потери слишком велики. Прижав обороняющихся ружейно-пулеметным огнем, они подтянули к переднему краю минометную батарею и почти час забрасывали позиции непокорных русских минами. После чего сопротивляться стало просто некому.

Очнулся Гулькин глубокой ночью, ближе к рассвету. Точнее узнать не мог — от часов остался лишь ремешок; куда подевалось все остальное, Сашка не помнил. Но небо на востоке уже потеряло ночную глубину, и звезды померкли, предвещая приближающийся рассвет. Значит, скоро и в самом деле утро. 23 июня.

Застонав, Александр попытался встать, но не смог: ноги, начиная от поясницы, не слушались. На миг накатила липкий, предательский страх: неужели перебило позвоночник и он парализован?! Хреново, если так. Ладно хоть руки двигаются, застрелиться, если что, сумеет, пистолет-то так и остался в кобуре. Немного успокоившись, попытался снова. На сей раз удалось приподняться, упершись локтями в землю. С заскорузлой от пота гимнастерки с легким шорохом стекали потоки иссушенной летним зноем глины, невесомая пыль забивалась в ноздри, вызывая мучительный кашель. Но кашлять нельзя, никак нельзя, опасно, вдруг немцы рядом! Шевельнул правой ногой. Получилось. Да он ведь просто засыпан в траншее близким взрывом!

Ну да, точно, перед тем как отрубился, рядышком и рвануло! Повезло, что верхняя часть туловища не под землей и руки свободны, так что ничего, откопается понемногу.

Спустя пару минут младший лейтенант выбрался из оплывшего окопа. Стоя на коленях, несколько раз провел ладонями по коротко стриженной голове, вытряхивая из волос глину, и огляделся, с трудом различая в сером предрассветном сумраке детали. Перекопанная минами позиция была мертва. Ни звука, ни движения, лишь где-то на востоке негромко погромыхивает редкая канонада. Убедившись, что противника поблизости не наблюдается, пограничник, пошатываясь от слабости и борясь с периодически накатывающей тошнотой, прошелся вдоль траншеи, тщетно надеясь отыскать раненых. Но живых не было. Большинство товарищей, судя по всему, погибло при обстреле; остальных добибли ворвавшиеся на позицию фашисты. Младлей не был в подобном большом специалистом, но отличить пулевое или осколочное ранение от удара штыком мог. Раненых добивали ударами штыков в грудь или шею, реже — выстрелом в голову. Видимо, патроны берегли, сволочи.

Похоже, младший лейтенант пограничных войск НКВД Александр Гулькин оказался единственным выжившим. Попросту повезло: присыпанного землей Сашку немцы сочли погибшим, решив не проверять, так ли оно на самом деле.

Полчаса ползал по изрытой минами земле, разыскивая хоть какое-то оружие. Нашел несколько искореженных взрывами винтовок и разбитый

в хлам «ДП-27» с двумя пустыми дисками, пробитыми осколками. Не то. Возможно, кто-то из товарищей все же уцелел, унеся оружие с собой; возможно, целые стволы забрали немецкие трофейщики. Обидно, с пистолетом и парой запасных магазинов к нему много не навоеешь. А в том, что он собирается именно воевать, Гулькин не сомневался ни секунды. Он — пограничник, и с поста его никто не снимал. Приказа на отступление не было! А защищать границу можно по-разному. И в разных местах. Чем больше немцев перебьет, тем лучше ее, ту самую границу, и защитит.

Уже когда собрался уходить в лес, повезло: откопал чей-то «ППД-40». Приклад, правда, был расщеплен осколком, но стрелять вроде бы можно. В диске оставалось еще с полтора десятка патронов — уже кое-что. На пару секунд боя хватит.

Невесело усмехнувшись, Гулькин оглядел место, где приняла последний бой его застава, пытаясь запомнить все до мелочей. Они вернуться сюда, обязательно вернуться! Даже расплесканная взрывами земля не успеет залечить свои раны, а они уже вернуться. Со всеми почестями похоронят павших. Дадут над их могилами залп памяти. А затем неудержимым стальным потоком покатают на запад, туда, за госграницу. Чтобы покарать вероломных захватчиков, посягнувших на самое святое, на священную русскую землю! В тот миг он на самом деле ни на мгновение в этом не сомневался.

В тылу врага младлей пробыл недолго. К обеду встретился в лесу с пятью бойцами из родного Августовского погранотряда, так же, как и он, выхо-

дящими из окружения. Поскольку Александр оказался старшим по званию, снова принял командование. Двое суток пограничники шли к линии фронта, с пугающей быстротой откатывающейся на восток. Пока не встретились 25 июня с отступающими частями советской стрелковой дивизии, вместе с которыми и вышли к своим. На временном «фильтре» его особенно не терзали: лейтенант ГБ с покрасневшими от хронического недосыпа глазами лишь зафиксировал показания, буркнув: «Спасибо, товарищ младший лейтенант, обождите на улице. Про вашу заставу я в курсе, героически сражались. Хорошо, что с оружием вышли, все меньше вопросов будет. Скоро придет машина, отправитесь в тыл, там решат».

«В тылу» действительно решили быстро: немолодой командир без знаков различия на отворотах гимнастерки и рукавах, то ли случайно, то ли нет оказавшийся в нужном месте и в нужное время, пробежал глазами содержимое тощей папочки, взглянул в глаза Александра холодными, словно лед, глазами и буркнул:

— Единственный выживший? Интересно, коль не врешь. Мы проверим, ты не думай, хорошо проверим. Если соврал — пожалеешь, что на свет народился, точно говорю. Жди здесь, через несколько минут выезжаем. Еще парочку твоих товарищей приведу — и вперед.

От этого взгляда и равнодушного тона странного краскома Сашке неожиданно стало холодно в груди и неприятно засосало под ложечкой. Но он сдержался, разумеется. И стоял чуть ли не по стойке «смир-

но», пока тот не вернулся вместе с еще двумя пограничниками, Гулькину незнакомыми.

С некоторым удивлением взглянув на младлея, командир хмыкнул, изобразив на лице нечто похожее на улыбку:

— Вообще-то вольно. Ну да и хрен с тобой, стойкий оловянный солдатик. Ладно, вон полуторка стоит, видите? Грузитесь, отчаливаем. — Помедлив, коротко бросил: — Как там тебя, Гулькин, что ли?

— Так точно.

— Задержись. На твоей заставе боец служил, старшина Растров. Знаком?

— Так точно, пулеметчиком был.

— Что о нем знаешь?

Сашка помедлил, прежде чем ответить. Вспоминал. Как тащил Серегу с перебитыми ногами, понимая, что жить товарищу осталось от силы несколько минут. И как тот, уже умирая, протянул окровавленную ладонь, прохрипев: «Возьми, лейтенант, родным отдашь».

— Погиб. Геройски. В неравной схватке с немецко-фашистскими захватчиками. Вот, родным просил передать, наверное, вам?

Пошарив в кармане драной, в нескольких местах прожженной гимнастерки — и в какой-то миг внутренне ужаснувшись, неужели потерял?! — Александр отдал собеседнику несколько слипшихся, бурых от засохшей крови бумажных листочков и фотокарточек.

— Наверное, мне, — эхом пробормотал тот, на секунду меняясь в лице. — Спасибо, лейтенант. Лезь в машину, скоро едем.

Забираясь в кузов бортового грузовика, Гулькин незаметно оглянулся. Непонятный командир, коротко коснувшись губами слипшихся документов, бережно убрал их в нагрудный карман и застегнул его, пригладив клапан ладонью. Младший лейтенант торопливо отвернулся, не желая его смущать — и так лишнее увидел. Интересно, кем ему Серега приходится, ну то есть приходился? Сыном, наверное.